

Чего мы ждем от съезда

В ноябре этого года в Москве созывается Второй всесоюзный съезд советских писателей. Редакция «Литературной газеты» обратилась к литераторам, работникам науки, искусства, читателям с вопросом: «Чего вы ждете от Второго съезда писателей?» Сегодня мы публикуем первые ответы на этот вопрос.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Поговорим о советской лирике

Второй всесоюзный съезд писателей является событием международного значения. Великая советская литература по праву снискала любовь и уважение всего передового и прогрессивного человечества. Съезд будет не только праздником нашей культуры. Он должен стать той высокой трибуной, с которой мы, советские писатели, оглянемся на пройденный за двадцать лет путь, полный важнейших исторических событий, наметим пути для дальнейшего развития советской литературы.

Съезд будет проходить в новых исторических условиях, в обстановке новых задач, поставленных партией и народом перед советской литературой.

Меня лично, как поэта, интересуют постановка на съезде проблем, касающихся советской лирики, песни, поэтического перевода, критики поэзии. Для меня, как и для других, очень важен вопрос о месте поэта в рабочем строю. Съезд позволит итоги работы поэтов, установит, в чем сильные и слабые стороны советской поэзии. Предельно высокая дискуссия еще не захватила активно действующих поэтов, и проблемные вопросы поэзии еще не ставятся с достаточной обстоятельностью.

К сожалению, мы, поэты, в громадном большинстве случаев — только «практики» и редко выступаем со статьями, оце-

нивающими работу наших товарищей по профессии. Между тем статьи критиков нас не всегда удовлетворяют. Так, например, на мой взгляд, В. Назаренко в статье «Идейность поэтического образа», напечатанной в № 89 «Литературной газеты», свои субъективные оценки стихотворений подкрепляет небезосновательными приемами — приписыванием поэту того, чего он и не думал сказать, или оскорбительными аналогиями. Такая критика не помогает писателю, она раздражает его.

Съезду, мне думается, следует заняться также организационными вопросами, например, о порядке приема в Союз писателей новых членов. Известно, что наша писательская организация растет медленно, и одна из причин этого — непомощно затянута процедура оформления приема в президиум ССП СССР. Я считаю, что право приема в члены и кандидаты (Союз писателей) надо предоставить крупным литературным организациям на местах.

Важно обсудить на съезде и вопросы авторского права, устава, руководства литературными организациями и т. д.

Мы, ленинградские писатели, надеемся, что после съезда у нас будет второй литературно-художественный журнал.

ЛЕНИНГРАД

Михаил РОММ

Нужен перелом

Постоянное внимание партии и правительства к вопросам кинематографии, принятие Министерством культуры СССР решения о резком увеличении количества кинокартин, большие государственные капиталовложения в кинопроизводство — все это показывает, какое огромное значение придается в нашей стране развитию важнейшего из искусств — кино.

Думается, что Союз советских писателей не имеет права забывать об этом ленинском утверждении. И если кино — действительно важнейшее из искусств, то оно, его, главная его составная часть — кинодраматургия — тоже ведь должна быть признана, по меньшей мере, одним из важных видов литературы. Поэтому я жду, что на Втором всесоюзном съезде писателей будет поставлен вопрос о кинодраматургии, как об одном из основных жанров литературы. Только тогда, наконец, кино-

драматургия займет надлежащее ей место. Считаю, что лучшие киносценарии должны регулярно печататься в толстых журналах. Они должны издаваться не только киносектором издательства «Искусство», ничтожными тиражами для узкого круга специалистов и любителей, но и издательством «Советский писатель», наравне со всеми остальными видами литературы для широких читательских масс, в хорошем книжном оформлении.

Мне хочется верить также, что после Второго съезда писателей секретариат ССП СССР будет заниматься вопросами кинодраматургии с той серьезностью и тем вниманием, какого заслуживает эта важная область литературной работы, а «Литературная газета» будет отводить место для критических работ по кинодраматургии и для оценки наиболее значительных сценариев.

Абдулла КАХХАР

Повысить требования к мастерству

С трибуны предстоящего Второго всесоюзного съезда мне хотелось бы услышать мнения писателей по нескольким вопросам, может быть, не главным, но, думаю, довольно существенным.

Прежде всего хочется надеяться, что съезд глубоко проанализирует состояние нашей литературной критики и вскрыть основные причины ее отставания. Слабость критики особенно остро и заметно ощущаем мы, писатели братских республик. А без наличия высококвалифицированной, добросовестной и принципиальной критики нам будет трудно расти самим, расти и воспитывать литературную молодежь.

За последние годы, мне кажется, мы заметно ослабили требовательность к публикуемому произведению. В результате нередко выпускаются книги нехудожественные, серые. Поток подобных книг, «покоряющих» редакторов одной лишь актуальностью темы, серьезно беспокоит всю нашу общественность.

Съезд должен, на мой взгляд, со всей решительностью осудить эту неверную практику, которая вредит нашему искусству.

Большое значение для развития нашей литературы имеет серьезный разговор на съезде о развитии литературных жанров, в частности, о развитии рассказа, который, к сожалению, еще не занял достойного места в творчестве литераторов.

Многие наши писатели, особенно молодые, пренебрежительно относятся к жанру рассказа, считают, что только крупными полотнами они смогут заслужить читательское признание. А ведь именно в этом трудоемком жанре оттачивали свое мастерство Тургенев, Толстой, Чехов, Горький.

Стоит поспорить и о формах нашей организационной работы. Они давно нас не устраивают. Считаю, что в малочисленных писательских организациях некоторых республик вовсе не следует объединять писателей в творческие секции по «жанровому признаку». Это прежде всего дробит силы, приводит к тому, что драматурги совсем перестают интересоваться работой прозаиков, поэты нет никакого дела до прозаических произведений и т. д. Творческие секции у нас малочисленны, работают вяло, на заседаниях не возникает споров, дискуссий, не ведутся разговоры по назрившим вопросам художественного творчества. Гораздо полезнее было бы, если бы в обсуждении любого произведения принимали участие все писатели, независимо от того, в каком жанре они работают.

Полагаю, что делегаты съезда обменяются соображениями по этому поводу и сумеют выработать наиболее действенные формы творческой работы писательских организаций.

ТАШКЕНТ

А. МОСТОВОЙ, директор 330-й школы Москвы

Ближе к вашим героям!

Воспитание детей в духе коммунистической морали немалым без помощи литературы, в первую очередь — литературы советской, создающей образы наших современников. Произведения М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, П. Павленко, К. Федина, А. Гайдара и многих других любимых писателей молодежи сыграли неопишную роль в ее воспитании.

Все-таки у меня, как педагога, как воспитателя наших ребят, — серьезные претензии к советским писателям. Я хочу сказать: дорогие наши писатели, вы делаете меньше, чем ждете от вас народ, подрастающее поколение и мы, его воспитатели. Дорогие писатели создали произведения, в которых много хорошего, правильных мыслей. Но как иногда «коротко во времени» их влияние! А почему? Потому, что правильные мысли в этих книгах выражаются дидактически, назидательно, слишком прямолинейно; на ум, на сознание детей они действуют, а за сердце, за душу, как говорится, не берут, не заставляют следовать тому, к чему зовет автор. А ведь это и значит, что книга не имеет большого воспитательного значения.

И не берусь судить обо всех причинах этого. Но кажется мне, что писатели, апеллирующие в своих произведениях к детям и молодежи, не всегда хорошо знают психологию, внутренний мир ребят. И самое странное — они не всегда охотно общаются с ребятами.

В нашей школе установилась традиция устраивать встречи учеников с деятелями науки, производственными писателями, артистами, героями Советского Союза. Все они охотно идут в школу.

А вот зазвать в школу писателя — дело огромной трудности. Охотно откликаются на приглашения начинающие, еще не очень известные ребята авторами. А те, кого ребята знают, чье живое слово хотят слышать, — те, за исключением некоторых писателей, уклоняются под разными предлогами от встречи. А зря! Ведь от такого общения польза и писателям, и ребятам.

Разумеется, я не считаю, что такие «официальные» встречи писателей со школьниками можно считать основным средством общения. Очень хотелось бы, чтобы писатели бывали в школе часто и запросто, чтобы сами писатели чувствовали необходимость «вторгаться» в ребячью жизнь.

Есть у меня и еще одна претензия к писателям. Вспомним, как выглядел учитель в произведениях русских классиков, хотя бы у Чехова в «Человеке в футляре» и «Учителе словесности». Этим образом нечего противопоставить. В нашей литературе, за редчайшими исключениями, нет полноценного образа советского учителя. Нет такого образа и на экране. В пьесах из школьной жизни, например, «Аттестат зрелости» и «Чужбном мальчике», образ учителя настолько худосюльный, неживой, он выглядит таким безомышленным, что может вызвать скорее жалость, чем любовь к людям нашей профессии.

Сейчас, накануне Второго всесоюзного съезда, я позволю себе призвать писателей и в первую очередь детских: дорогие товарищи, ближе к жизни, ближе к школам — миру ваших героев!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 97 (3281)

Суббота, 14 августа 1954 г.

Цена 40 коп.

Вручение международной Сталинской премии „За укрепление мира между народами“ чилийскому поэту Пабло Неруде

«...Латиноамериканские народы ведут борьбу за мир и презирают торговцев кровью и ненавистью. Если моя поэзия отразила это чувство, если в стихах моих стало ясно и любовью, то этой победой, что в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны, что я в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны, что я в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны...»

«...Латиноамериканские народы ведут борьбу за мир и презирают торговцев кровью и ненавистью. Если моя поэзия отразила это чувство, если в стихах моих стало ясно и любовью, то этой победой, что в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны, что я в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны...»

«...Латиноамериканские народы ведут борьбу за мир и презирают торговцев кровью и ненавистью. Если моя поэзия отразила это чувство, если в стихах моих стало ясно и любовью, то этой победой, что в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны, что я в какой-то малой степени смог отразить чувств мой страны...»

Пабло НЕРУДА

ОСВОБОДИТЕЛИ

Дерево, дерево снова приходит — дерево предков, дерево бунта. Вот из земли поднимает героев, словно зеленые сочные листья. Ветер свирепый на ключья порою шумные толпы листья разрывает — рвет до тех пор, пока зрелое семя не упадет снова на землю.

Дерево, дерево снова приходит. Дерево, вскорлупенное мертвецами, теми, чей лик исказился от муки, теми, что были исцелены плетью, что исцелены в битвах жестоких, что, копясь, сидели на колючих и обезглавливались топорами; что на кострах инквизиций горели, и на крестах инквизиций горели, и распяты, и четвертованы были на плахе.

Дерево, дерево снова приходит, корни у дерева вечно живые, корни, которые кровью питались и извлекали из пыток селитру; корни, которые слезы из почвы переносили в высокие ветви, строя прекрасное здание кроны. Были цветы — и никто их не видел. Были цветы, потребленные в слезах заживо. Были цветы и танце, что загнивались, словно планеты.

И человек собирал терпеливо венчики, что на ветвях затвердели, перевел их в руки потомков, словно магнолии или гранаты. Землю же венчики вкрут разверзали и выростали высоко, до звезд.

Дерево — это растение свободных, Дерево — облако, дерево — почва, дерево — хлеб, и кулак, и оружие, дерево — сила, стрела и огонь. Бурные воды его заливают

нашей ночной непроглядной эпохи, — все же оно своей маятой могучей кроной раскачивает над землей.

По временам же опять неумоимо падают ветви, что сломлены гневом, и угрожающий пепел скрывает древнюю славу, величие его. Так из других отдаленных столетий дерево это и нам переходит, одолевая агонии жизни с помощью наших бесчисленных рук.

Этот народ сохранил все обломки, ствол вековой неизменным оставил, — и не напрасно губы людей листьями дерева были, что всюду вновь возникало и снова шагало на уловатых корнях своих. Дерево это — свобода народа, дерево — это свобода народов, дерево — непримиримой борьбы.

Встань и к его волосам прикоснись ты, встань, прикоснись к обновленным переносили в высокие ветви, строя прекрасное здание кроны.

Встань, погрузи свою руку в заводды, где ежедневно, свой свет проливая, бегает великого дерева плод. Встань и прими в этом блеске участие, встань и вольным чересом в свои руки, хлеб свой и яблоко в руки возьми ты, сердце свое и крови своей.

Встань и храни рубящие, до которых ветви свободы доходят сейчас.

Дерево! Ты защити его кроны и раздири с ним враждебные ночи, посторожи его ясные зори, звездною высью его подыши. Встань, поддержи это дерево счастья — то, что растет посредине земли.

Перевод В. Журавлева

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Пабло Неруда

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Новинки советской литературы

— В связи с предстоящим Вторым всесоюзным съездом писателей наша основная задача — наиболее полно познакомиться читателя с новинками многожанровой советской литературы, — заявил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» директор издательства «Советский писатель» М. Корнев. — Мы выступим в этом году почти в два раза больше первоизданий, чем в прошлом году. Только по русской советской прозе выйдет 55 новых названий книг! Наряду с произведениями Г. Гладкова, В. Кожевникова, Л. Кукулина, Г. Медвinskого и других мы познакомим читателей с первыми книгами молодых авторов: романом А. Барышников «Кто честен и смел», рассказывающим о дальневосточных партизанах, книгой рассказов А. Володина — о жизни простых людей разных профессий, повестью Ф. Пеннева «Лето» и другими.

В отдельной книге будут изданы повести «Среди лесов», «Не ко двору» и два рассказа В. Тендрякова. Впервые на русском языке выйдут книги казахского писателя Д. Абилева «Сердце Алтая», татарского поэта Э. Давыдова «Во имя солнечного дня», тувинского поэта Ю. Кюнгезина и других.

Известно, что издательство выпустило уже сборник советских рассказов — за 1951 и 1952 годы. Настоящий год наиболее суровый: сборник, который выйдет к съезду писателей, будут представлены рассказы 32 прозаиков — столько же, сколько за два предыдущих года.

Специально к съезду будет выпущен сборник «Некоторые вопросы развития литературы народов СССР», в который включены статьи Н. Тихонова, К. Федина, К. Симонова, А. Улиты, М. Бажана, М. Рыльского, Мирзо Турсун-заде, М. Гусейна и других. Институт мировой литературы имени А. М. Горького совместно с комиссией по теории литературы и критике ССП СССР подготовил сборник «Вопросы советской драматургии». К съезду писателей мы выпустим также 12 новых работ по критике и литературоведению. Среди них хочется отметить книги: Н. Шамоты, А. Метченко, М. Ююны.

Неруду с известными литературоведами с первыми книжками выступят и молодые критики.

В предпраздничном Пхеньяне

Перед нами два документа. Один из них — утробан августом 1945 года. Это — обращение советского командования к корейскому народу. «Корея стала свободным государством», — говорится в нем. — Но это лишь первая страница в истории новой Кореи. Подобно тому, как цветущий сад является результатом человеческого старания и забот, так и счастье Кореи может быть достигнуто только стараниями и упорной борьбой корейского народа.

Граждане Кореи! Запомните, счастье в ваших руках!

Так обращались к народу Кореи советские воины, принесшие стране освобождение от ига японских захватчиков.

А вот другой документ. Он появился в те же дни, что и обращение советского командования. Это листовка. Десятки, сотни тысяч таких листовок были сброшены с американских самолетов в сентябре 1945 года над Южной Кореей. На листовке приказ № 1 главнокомандующего американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке МакАртура. От имени правительства США он провозглашал, что рассматривает Южную Корею, как завоеванную вражескую территорию. И если в Южной Корее советское командование передает управление страной Народным комитетам, то МакАртур официально заявил в своем приказе: «Все функции управления на территории Кореи, расположенной к югу от тридцать второй параллели, и над прилегающим там народом будут отныне осуществляться моей властью».

В дни, когда корейский народ готовится отметить славную годовщину освобождения страны Советской Армией, память невольно возвращается к историческим событиям девятилетней давности. Оглядываясь на пройденный путь, каждый кореец говорит себе, что советские люди были верны тем благородным словам дружбы, с которыми они пришли в Корею. И

каждый кореец знает, что дух высокомерия и человеконенавистничества, которым была проникнута листовка МакАртура, определил трагические события в стране, подвергшейся американской интервенции, расчлененной 38-й параллелью.

...Мы на одной из площадей Пхеньяна, которую пересекает проспект имени Сталина — главная магистраль города. Многоголосый гуд, подобно грохоту волн, стоит над площадью. Грохочет бетонная маляка, с грузовых машин с шумом осыпается галька, самосвалы разгружают бетонную массу. Несколько в стороне бульдозер срезает холм из земли и обломков черепицы, а тяжелый трактор обрабатывает готовый участок.

Вначале трудно разобраться в этой огромной массе людей, которые находятся в неустанным движении. Но потом становится ясным четкий, направляемый твердой рукой ритм работ.

Среди строителей — много воинов Народной армии. Вот в шум стройки врываются звуки горна. Это молодой боец в красной безрукавке трубит отбой. После каждого часа напряженной работы делается десятиминутный перерыв. Войны располагаются на отдых тут же, у своих рабочих мест. Не успев последние звуки горна измерить в знойном летнем воздухе, как женский голос начал объявлять по радио итоги соревнования бригад на этом участке.

Скоро танец — янгэ. Ему на смену вспыхивает русская плясовая. Поющие отбивают такт, а перед ними лихо идут вприпрыжку, выводят круг двое танцующих. Куда только девалась усталость! Радостно бегает глаза на оживленных лицах.

Мы идем в сторону от центральных улиц и площадей Пхеньяна. Узкая, покрытая ухабами извилистая улочка поднимается круто вверх. И здесь, среди этих разбросанных в беспорядке маленьких глинобитных, деревянных, сложенных из битого кирпича домиков и землянок, готовятся к празднику. На обочине дороги трудятся корейки — это домашние хозяйки приводят в порядок свои кварталы. Они убирают мусор, засыпают землей выбоины. Многим матерям помогают шустрые, веселые ребятки, они не хотят отставать от взрослых, — скоро большой праздник. Целую сядя несколько дальних женщин из другой группы — они вырывают сорную траву.

Куда бы мы ни пошли, всюду радостный трудовой подъем. «Это будет пущено к 15 августа», «Это здание будет готово к празднику», «Этот магазин открывается к празднику», — такие разговоры мы слышали повсюду. Кроме рабочих — строителей, бойцов Народной армии и китайских добровольцев, ежедневно на стройки Пхеньяна выходят служащие, домохозяйки, студенты, которые отдают родному городу свои свободные часы. Только на строительстве проспекта имени Сталина, площади имени Ким Ир Сена, привокзальной улицы, площади имени Мао Цзэ-туна и стадиона в западной Пхеньяне трудились служащие и рабочие восьмилетних предприятий и учреждений города. Студенты двадцати вузов и техникумов.

Работы на многих участках и на строительстве школ ведутся круглые сутки, в три смены. Быстро растут этажи Дома

Английская общественность в последние дни была немало обеспокоена делом, которое разгоралось вокруг одной, покуда еще не вышедшей книги. Тема книги — военные преступления гитлеровцев во время второй мировой войны. Автор — лорд Рассел, участник Первой мировой войны, кавалер высших орденов Британской империи, видный военный юрист, работавший на этом поприще более 20 лет. Как свидетельствует печать, лорд Рассел весьма компетентен в избранной им теме — в 1942—1943 годах он работал в главном штабе союзных войск, а после войны был юридическим советником главнокомандующего британскими оккупационными войсками в Германии. Последние годы он занимал пост помощника главного военного юриста английских вооруженных сил.

Казалось, намерение автора могло встретить только поощрение в стране, народ которой немало пострадал от ужасов войны, развязанной гитлеровскими агрессорами, и принимал участие в уничтожении коварной чумы. Однако как только стало известно, что труд Рассела выходит в свет, появились совершенно непредвиденные автором препятствия: английские власти предложили ему — немедленно отказаться от публикации книги, а в противном случае — уйти в отставку со своего поста.

«Руководители министерства иностранных дел пришли к мнению, — пишет «Дейли экспресс», — что опубликование фактов об убийствах и пытках в концентрационных лагерях в книге высокопоставленного правительственного чиновника весьма нежелательно по трем причинам: во-первых, это усилило бы недовольство общественности планами правительства перевооружить немцев; во-вторых, это могло бы вывести из себя политических деятелей и военных руководителей Союзных Штатов, которые хотят без промедления перевооружить Германию; в-третьих, это могло бы усилить антигерманские чувства во Франции, где перевооружение Германии наталкивается на решительное сопротивление».

Судя по откровенным высказываниям английских газет, некоторые деятели произвели эдакое взвешивание аргументов: на одну чашу весов была положена правда о зверствах гитлеровцев во время войны; на другую — планы возросшая вермахта. Сюда же в качестве пудовой гири бросили мнение американских политиков. И стрелка весов склонилась не в пользу лорда Рассела...

Следует заметить, что уже не в первый раз эта стрелка склоняется в пользу тех, кто защищает нацистов. Так, власти терпимо отнеслись к тому, что защитник гитлеровского фельдмаршала Манштейна Реджинальд Пэйджет выпустил книгу, в которой оправдывал этого гитлеровского палача с фельдмаршалским жезлом.

Никто не преследовал и бригадира Лесмонда Янга, который в своей книге «Фромель» захлебывался, пел хвалу любимому полководцу Гитлера. На основе этой книги был даже успешно снят фильм...

Книга лорда Рассела все-таки выйдет. Автор, расценив действия властей, как «ничем не определенное вмешательство в право свободы слова», решил подать в отставку, но выпустить свою работу, в которой, по его собственным словам, он рассказывает о «гитлеровском орудии тираннии». Английское общественное мнение поддержало его в этом решении.

...Как ни стараются нынешние адвокаты вермахта, а все-таки и невооруженным взглядом видно, что бонские реваншисты тягивают свои визитки и фракки на эвессовские мундир. Вот почему сторонники перевооружения Западной Германии так нервничают, когда им напоминают о недавнем прошлом их бонских подопечных.

ЛИТЕРАТОР

Китайские киноработники в Киеве

Вчера в столицу Украины прибыла гостящая в Советском Союзе делегация киноработников Китая. Возглавляет делегацию начальник Главного управления кинематографии Китайской Народной Республики Ван Лань-си.

На вокзале гостей встречали ответственные сотрудники Министерства культуры Украинской ССР, работники кино, представители общественности города.

Делегация китайских киноработников за время пребывания в столице Украины посетит исторические и достопримечательные места города, познакомится с работой киностудий, побывает на заводе «Кинодеталь».

В эти дни со всех концов республики поступают в столицу произведения литературы и искусства: пьесы, рассказы, стихи, песни, очерки, музыкальные произведения, картины, плакаты и карикатуры. Сотни рабочих, крестьян, служащих, студентов, бойцов Народной армии участвуют во всекореиском конкурсе на лучшие произведения литературы и искусства.

Когда иезь по Пхеньяну, когда своими глазами видишь, как, несмотря на огромные трудности, пхеньянцы буквально не по дням, а по часам поднимают из пепла свою столицу, видишь, какой расцветает над полноводным Талонганом новый, светлый город.

Древний Пхеньян, у стен которого корейские патриоты не один раз громили иноземных пришельцев, встречает праздник освобождения в напряженном труде. А над городом, над тихими долинами Северной Кореи, над отрогами Алмазных гор и завоевыми трубами Соннипа и Хамхына, над маленькими селениями и большими городами дует теплый ветер с океана. Подлетает на ветру красно-синее знамя Корейской Народно-Демократической Республики, идуций навстречу своему великому празднику.

Н. БАБИН, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПХЕНЬЯН, 13 августа. (По телеграфу)

О ЛИТЕРАТУРЕ, КОТОРОЙ НЕТ НА ВЫСТАВКЕ

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которой показаны успехи передовиков сельского хозяйства, достижения науки, — большая школа. Здесь каждый, будь то полевик или животновод, механик или мелиоратор, словом, любой труженник сельского хозяйства, в какой бы отрасли он ни работал, какие бы культуры ни выращивал, — найдет для себя образцы, по которым нужно равняться. Говорят, что здесь столько экспонатов, что если бы на осмотр каждого затратить только по одной минуте, то и тогда потребовалось бы девяносто дней и девяносто ночей. У нас же, экскурсантов, в распоряжении всего лишь пять дней.

Учитывая сжатые сроки, дирекция выставки выработала для нас специальные маршруты, выделила большую группу экскурсоводов, приглашает для чтения лекций ученых и передовиков сельского хозяйства. Мы используем каждую минуту пребывания на выставке. Наши блокноты переполнены записями. Это адреса передовых хозяйств, фамилии людей, с которыми познакомился, некоторые цифры.

Мы рассчитывали приобрести на выставке литературу с описанием павильонов, отдельных хозяйств. Однако такой литературы здесь нет. Трудно узнать, где и какие лекции читаются.

До сих пор мы считали, что в Мичуринском саду нужно изучать опыт. За этим мы сюда и приехали. А радиопроductоры выставки все время приглашают сюда потому, что здесь весело можно отдохнуть. Нужна, по нашему мнению, на выставке газета, которая своевременно и подробно рассказывала бы, что происходит здесь ежедневно, какие новые экспонаты прибывают, — а они прибывают непрерывно.

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш корреспондент прокладывает, указанные в письме экскурсантов. Действительно, на выставке больших трудов стоит приобрести план расположения павильонов. Возле киосков непрерывно слышен один и тот же вопрос: «Путеводитель по выставке есть?»

Еще до открытия выставки над подготовкой литературы к изданию работала большая коллекция. В качестве авторов были приглашены передовики, повторы и специалисты сельского хозяйства, ученые. Было подготовлено и слано в печать 78 путеводителей по павильонам, 80 монографий о колхозах и совхозах, представленных на выставке для широкого показа, 180 красочных листовок. В подготовке к выпуску этой литературы приняли участие многие московские издательства. Но все это задержалось. На требования издательства начальник производственного управления Главполиграфпрома В. Медведев ответил, что Главполиграфпрому не может выделить полиграфической базы для печати путеводителей и брошюр, ввиду перегруженности типографских заказов по ранее заключенным договорам. Из 180 листовок на выставку прибыли первые...

Работников села, приехавших с Урала и Сибири, Украины и Белоруссии, не интересует всеобщий спор издателей и полиграфистов. А Главполиграфпрому не встал на защиту интересов экскурсантов. Он задержал продажу даже тех изданий, которые с трудом удалось выпустить к открытию выставки.

В течение восьми дней двадцать с лишним уже опечатанных путеводителей по

Мы приехали на выставку, как в величайшую школу, и здесь, на наш взгляд, должно быть сделано все, чтобы помочь экскурсантам изучать опыт. И в первую очередь нас нужно снабдить литературой. Возьмем такой пример. В газетах печатались сообщения о Всесоюзном совещании работников науки и практики сельского хозяйства в селе Мальцево, где был заслушан доклад колхозного ученого-полевика Терентия Мальцева, который своими работами вносит много нового в сельскохозяйственную науку и практику. К сожалению, в павильоне «Земледелие» об этом ничего не рассказывается. На стендах колхоза «Заветы Ленина» в павильонах «Урал» и «Зерно» есть материалы о Мальцеве, но они далеко не полны и даже не во всем точны.

Хотелось бы посмотреть безотзывный плуг, замечательную борону Мальцева, о которых трудно иметь представление только по газетным сообщениям. Нужно привести на выставку этот плуг и борону, оборудовать специальные стенды в павильонах «Урал» и «Земледелие». А самое главное — выпустить оперативно литературу или брошюру с докладом Мальцева. К сожалению, о работах Мальцева мы ничего не нашли и в книжных киосках выставки.

А. БЫСТРОВ,
председатель колхоза «Сталинский путь» Пензенской области
М. ЧЕРНЫШЕВ,
тракторист Мамонской МТС Пензенской области
Н. ЖУКОВ,
главный агроном Комсомольской МТС Курганской области
К. ГОРБУНОВ,
главный агроном Березовской МТС ВССР

павильонам находились на повторном просмотре у членов Главвыставкама. За это время уже уехало свыше пятнадцати тысяч экскурсантов, так и не приобретя нужную литературу. Членам Главвыставкама должно быть известно, что печатные издания редактируются или проверяются до выхода их в свет. Кстати, на многих путеводителях стоит пометка: «Ответственный редактор Н. Попов», а тов. Попов — ответственный секретарь Главвыставкама. Безразлично относится Главвыставкама и к своему печатному органу — «Бюллетеню Главного комитета ВСКХ». Последний, майский номер вышел из печати в конце июля. А сейчас в 13-й типографии лежат сверстанные пять номеров (№№ 11, 12, 13, 14, 15), и неизвестно, когда они увидят свет. Многие статьи и очерки в них устарели.

Правильно ставится в письме экскурсантов и вопрос о пропаганде опыта Терентия Мальцева. На выставке не показано, в чем сущность его работ, как и где их можно применить. У стенда колхоза «Заветы Ленина» в павильоне «Урал» с утра до вечера толпы народа. Но портрет тов. Мальцева и несколько цифр о глубине вспашки и урожайности еще не объясняют метода замечательного полевика.

Посетители просят показать устройство безотзывного плуга и лопатки бороны Мальцева, рассказать о роли удобренной почвы, совершенно ли отвергает новатор многолетние травы.

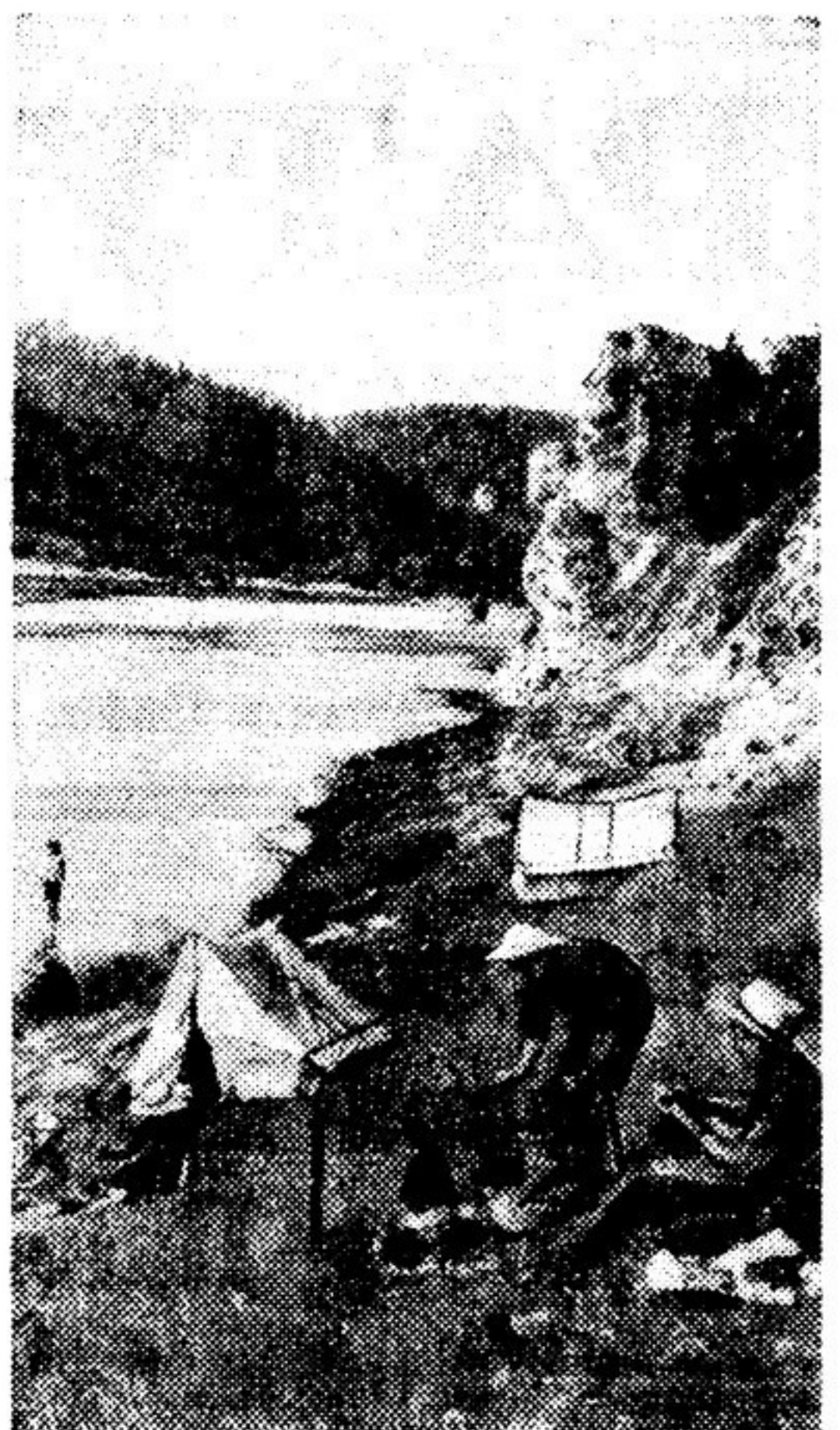
Нужно упорядочить сельскохозяйственную пропаганду на выставке и устранить недостатки в обслуживании экскурсантов.

Молодые литераторы Украины

Слыше восьмисот начинающих прозаиков, поэтов и драматургов состоят члены литературных объединений, работающих при республиканских, областных, городских и районных газетах, издательствах, редакциях журналов, на предприятиях и в высших учебных заведениях Украины. За последние пять лет в Союз советских писателей Украины принято 128 человек, в основном молодых поэтов и прозаиков из литобъединений. За это время в республиканском издательстве «Радиосвязь писемники» вышло свыше семидесяти пер-

вых книг молодых авторов. Десятки книг начинающих писателей выпущено издательством «Молодь», а также областные издательства.

В нынешнем году вышли первые книги начинающего писателя из Днепровского литобъединения учителя В. Баргванова «Дорога признания», выпускника Киевского суворовского училища А. Краснопольского «Хорошо суворовский идут»; изданы «Сборник рассказов для детей А. Божко «Честь пионера», В. Иванова «Наша Наташа» и много других.

Рекса Чусова на Урале привлекает туристов со всех концов страны. На снимке: туристы на берегу реки Чусовой. Фото В. Визуля

Юрий ЯКОВЛЕВ Строгая жокая

У ограды строгой жокая, Все поставит по своим местам. В горы, к морю, словно провожатая, За отрядом ходит по пятам.

Отдыхать ребят она отправляла, Тут, к оному подкаршивая босиком, Петя Яблоков, нарушая правила, Испускал в тихий час тайком.

И, узнав об этом, после ужина Собрала она отрядный сбор. Отчитала беглеца заслуженно, Глядя не в глаза, а на вихор.

Укачилось солнышко сплеленце, Пост передеревало луце. Превратился лагерь в царство спящее. Море галькой шелестит по сне.

Лагерь спит. Над ним звезда маячит. Лишь одна жокая без сна. «Может быть, сейчас мальчишка плачет?» — С беспокойством думает она.

И во тьме перед собой увидела Петькин недобольный, хмурый взгляд. Может, зря она его обидела. Может, он не так уж виноват.

А уж если глубже разобраться, Будь на месте Петькиным она, Тоже бы тайком пошла купаться, Тоже не из двери, из окна.

И рукой кудряшки тихо трогая, Все не спит, все глаз ей не закрыть. Почему она такая строгая? Почему так трудно строгой быть?

—

Альманах „Год 37-й“

Вышла из печати и рассылается подписчикам семнадцатая книга литературно-художественного альманаха «Год 37-й». В книге опубликованы стихи из цикла «Европа — Азия» бакирского поэта Мустая Карима в переводе М. Светлова, пьеса В. Каверина «Тревожная юность», очерки П. Белая «На новых землях», Ф. Малова «Костромская лойма», мордовского писателя И. Антонова «Ухаби на дорогах», С. Гарина «Горячие сутки» и путевые очерки А. Азиева «По Монголии».

В альманахе публикуются рассказы О. Марковой, Г. Калининского, Е. Горбова и В. Ковалевского. В связи с подготовкой ко Второму Всесоюзному съезду писателей альманах печатает статьи, посвященные теории и практике советского очерка. В этом разделе опубликованы заметки Б. Галина «Уловить жизнь» и В. Рослякова «Некоторые вопросы жанра».

МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПОГОДОЙ?

Может ли человек по своему желанию изменять климат какой-либо территории, управляя погодой?

Это — сложный вопрос, и, рассматривая его, надо прежде всего учитывать огромный масштаб и колоссальную энергию атмосферных процессов. Мощные силы действуют в них. Солнце по-разному нагревает сушу и море, экваториальные области и полярные, и именно это является основной причиной, вызывающей движение воздушных масс. Направление и скорость их перемещения зависят от вращения земли, очертания материков и океанов, расположения горных хребтов. И если бы мы захотели всего на несколько дней изменить вышесказанные воздушные массы, ну, скажем, для того, чтобы избежать дождя на территории протяженностью в одну-две тысячи километров, то для этого нужно было бы затратить энергию, величина которой будет выражаться в астрономических цифрах.

Для примера можно сказать, что во время самой обычной местной грозы, какие довольно часто бывают у нас на Украине, затрачивается примерно столько же энергии, сколько несут в себе десять-пятнадцать взрывов водородной бомбы. А при среднем шторме на море количество энергии, переходящей из одной формы в другую, эквивалентно сотням, если не тысячам атомных взрывов. Другими словами, для того, чтобы искусственно получить такое явление природы, как шторм, потребовалось бы взорвать примерно по одной атомной бомбе в секунду...

Таким образом, человечество еще не в состоянии атаковать стихию «из любви», искусственно вызывая перемещение воздушных масс, создавая циклоны и антициклоны, бури и грозы. Однако в наших руках имеются могучие средства воздействия на климат. Прежде всего мы можем преобразовать местность, над которой движется воздушная масса, — «подстилать» ее поверхность. Наличие и характер растительности, большая или меньшая влажность почвы и другие черты местности влияют на физические свойства атмосферы.

Человеческое общество в результате своей деятельности всегда изменяло и изменяет природу, хочет оно этого или не хочет. Правда, до сих пор это воздействие чаще всего имело отрицательный характер. Маркс в одном из писем Энгельсу отмечал, что «культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню...»

Этот процесс превращения плодородных земель в пустыню, как известно, быстро развивается и сейчас в США, однако капиталистическое государство, несмотря на достаточную техническую мощь, не сохраняет своих природных богатств. Вельмаксимальный прирост дает не культурный, а именно хищнический способ ведения хозяйства.

Наша советская линия в этом вопросе — полное и в то же время экономное использование природных богатств, сохранение, систематическое улучшение и развитие природных ресурсов, своеобразное «повышение производительности» самой природы. На практике это — орошение засушливых местностей и осушение болот, насаждение лесов, устройство водохранилищ, снегозадержание... Все это уже сейчас производится у нас в таких масштабах, что наряду с коренным преобразованием местных климатических особенностей, обеспечивающим повышение урожайности, начинается пока еще небольшое, но уже вполне измеримое и заметное воздействие на климат и погоду в широком смысле этого слова.

В то же время было бы неправильным объяснять, как это иногда делают, значительные колебания в характере по-

В нашем колхозе имени Ворошилова многие из членов артели интересуются, можно ли изменить погоду, климат?

Очень часто слышишь такие вопросы: способен ли человек какими-либо средствами искусственно вызвать жару, засуху или, наоборот, создать дождь, снег, мороз и т. д. Было бы очень хорошо, если бы редакция «Литературной газеты» ответила на эти вопросы.

И. КАБАНЕЦ,
председатель колхоза имени К. Е. Ворошилова Обуховского района, Киевской области

годы за последние годы влияние вновь созданных водохранилищ, гидроэлектростанций, каналов и другими подобными объектами. Надо иметь в виду, что такого рода колебания бывали и ранее в историческом прошлом. Так, например, жара, подобная той, какую мы наблюдали в Центральной полосе нынешним летом, отмечалась в этих местах и в 1891, 1892, 1920, 1936 и в 1938 годах...

Целесообразное изменение тех или иных физических свойств поверхности материка в достаточных масштабах является, повидимому, наиболее реальным, хотя и не единственным средством капитального и долговременного преобразования некоторых черт климата.

Есть и второй путь воздействия на погоду. Он основан на том, что метеорологические процессы насыщены борьбой противоречивых явлений. Это зачастую приводит к неустойчивым состояниям, когда сравнительно небольшое вмешательство в метеорологический процесс, принятое в нужное место и в нужное время, способно изменить характер его развития. Ускорить или задержать выпадение дождя из облака, задержать развитие града или грозы, рассеять облака — таковы возможные цели подобного воздействия.

Это давно уже вышло из области теоретических гипотез. В американской литературе высказываются неворные утверждения, будто первые успешные опыты такого рода в природе были произведены Шедером и Лянжюром в США в 1946 году. Советские ученые Оболенский, Фелдман и другие еще в тридцатых годах впервые провели научные опыты в природе по искусственному преобразованию облаков, однако никоим образом не считали, что ими окончательно решена проблема. Иначе обстояло дело с рубежом.

Широко разрекламированные в 1947—1949 годах опыты Шедера и Лянжюра создали представление о том, что проблема воздействия на облака решена. Американская научная печать объявила Шедера создателем «новой» науки — экспериментальной метеорологии, человеком, который «сделает погоду».

Хвастливые, рекламные статьи, появившиеся в американской прессе, произвели большое впечатление на фермеров и скотоводов западных штатов, сильно страдающих от засухи. Многие из них заключили контракты на «споставку дождя» с быстро появившимися специальными компаниями. В 1951 году сумма контрактов «она дождя» составила три миллиона долларов.

Наиболее ретивые заокеанские делегаты стали прикладывать возможности «метеорологической войны». Этот вопрос, очевидно, занимает американских метеорологов гораздо больше, чем проблема сохранения естественных ресурсов своей страны. На одном из заседаний Американского метеорологического общества в 1953 году некий Гарри Гуггенберг, деятель коммерческой авиации, дипломат и издатель (кстати говоря, награжденный обществом за «выдающуюся деятельность на пользу метеорологии»), излагал соображения о возможности контролировать погоду... в СССР!

«Атомная бомба сегодня есть величайшая возможность уничтожения жизни; управление погодой может стать величайшей возможностью уничтожения средств существования» — вещал себя «прозорливый» И. сылаясь на мнение другого «заютика», капитана Оурилла, уточнял: «...большая часть погоды этой страны (СССР — Е. Ф.) приходит с запада. Мы можем отнять у них влагу или же затопить их проливными дождями посредством засасывания облаков подходящими катализаторами».

Таким образом, интересная научная задача сейчас же была использована в США с характерными для капиталистического мира целями. С одной стороны — для наживы расторопных сельцов за счет населения, с другой — для раздувания военного психоза.

В какой же степени реальные достижения Шедера и Лянжюра давали основания для подобной шумихи?

В настоящему времени доказана лишь принципиальная возможность активного воздействия на облака с целью его расщепления или поджугения осадков. Однако добиться этого можно далеко не всегда и далеко не везде.

Дело здесь в том, что при выпадении осадков облако не просто тратит ранее накопленный запас воды, а является своеобразным «генератором влаги», преобразуя непрерывно поступающую в него водяной пар в капли воды или кристаллы льда, достаточно крупные для того, чтобы упасть на землю.

Иначе говоря, облако — лишь одно из звеньев в сложном процессе образования осадков. А в работах Лянжюра, Шедера и некоторых других зарубежных ученых облако рассматривалось как изолированный от окружающей среды объект. Следствием такого подхода были крайне завышенные оценки полученного эффекта.

Короче говоря, американским «метеорологическим агрессорам», возмечавшим насыщать засуху на наши земли, пришлось, в конце концов, признать, что «сне от них не зависит». Вот официальный вывод Американского метеорологического общества по поводу активного воздействия на погоду:

«Статистический анализ, предпринятый различными независимыми организациями, не был в состоянии обнаружить существенного увеличения месячного или сезонного количества осадков на территории, где производилось воздействие на облака дымом идиостого серебра с землей... и далее: — «...Нынешние знания об атмосферных процессах не дают основания считать, что погода или климат на значительной части территории страны могут быть изменены посредством обсеивания облаков».

Как видно, эти трезвые, но несколько запоздалые решения (фермеры-то деньги платят!) никак не согласуются ни с измышлениями о «метеорологической войне», ни с действительностью «споставщиков дождя».

Если же отбросить в сторону всю эту несерьезную, ненаучную шумиху заокеанских сельцов, то надо отметить, что в настоящий момент науке известны два направления активного воздействия на погоду — преобразование подстилающей поверхности и использование неустойчивых состояний в атмосферных явлениях. И в том и в другом направлении сделаны первые шаги.

Следовательно, на вопрос читателя «Литературной газеты» можно ответить, что сейчас в распоряжении науки пока еще нет средств для капитального преобразования метеорологических условий в широком масштабе, однако достигнутые уже на первых этапах результаты дают нам уверенность, что задача эта будет решена.

Е. ФЕДОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА Герои и конфликты нашего времени

В конечном итоге, главное для нас — жизнь, растущий, меняющийся мир людей нашего времени со всеми его реальными столкновениями, взаимоотношениями, проблемами, исканиями, постижениями и преодолениями. Наши успехи определяются тем, насколько глубоко, правдиво и художественно убедительно мы приходим в этот мир, насколько нам удается увидеть, раскрыть и правильно, по-марксистски осмыслить происходящие в нем процессы. Наши неудачи и срывы в основе своей всегда проистекают от недостаточного проникновения в этот мир — то ли по незнанию жизни, то ли по неумению осмыслить ее, то ли по слабости художественных средств, когда увиденное и понятое все же не реализуется образно.

Если пользоваться термином Горького — **человечествоведение**, то в искусстве человековедения советские писатели выдвинули на первый план задачу из всех, какие когда-либо выдвигались на долю писателей. Такой быстротой и коренной сменой всего общественного устройства, такого быстрого и коренного изменения людей, их психологии, отношений, быта не было ни в одну из предшествующих эпох. И никогда еще писатели не стремились так осознанно и целенаправленно не только раскрыть происходящие изменения, но и всей силой образного воздействия ускорить их.

Это небывало трудно, но и небывало интересно. На наших глазах формируется, растет новый человек — красивый, сдержанный, творческий, — такой, о каком мечтали лучшие люди всех времен. Это уже не мечта, не утопия, а реальная жизнь во всей ее сложности — со взлетами и срывами, с ошибками и страданиями, с радостями и поисками верных решений, трудная, угловатая, удивительная и прекрасная. Человек этот не появляется готовым, идеальным. Становление его характера, его жизненномыслия выматывается всей системой социалистического общества, всеми его воздействиями — экономическими, политическими, культурными, психологическими. Но в этом постепенном и закономерном процессе воспитания есть свои вершины, свои узловые, решающие моменты — большие события, возникаю-

щие жизненные проблемы, требующие личностных решений, серьезные испытания, — когда закладываемые прежде качества и понятия ярко проявляются в действии. Эти узловые, решающие моменты жизни и есть то, что на профессиональном языке литераторов называется конфликтами.

В литературных спорах о героях и конфликтах мы порой отрываемся от жизни, бурная вокруг нас, и тогда так называемый положительный герой вдруг превращается в нечто неосмысленное — эталон тупоумия, окутанный цитатами идеала, реюющий «перед мысленным взором» возбужденного критика! — а конфликты становятся искомым, но неуловимой абстракцией, сильно смахивающей на высмеивание еще Багрянца требования — «чтобы были страсти, чтоб огонь, чтоб гром, чтоб жеребец, чтоб кровь, чтоб клубы дыма»...

На одной читательской конференции симпатичная аспирантка-филолог, подпаив под влияние этой абстракции, требовала: — Покажите такую ситуацию, когда идет настоящая непримиримая борьба, когда заводской коллектив раскололся на две части в ожесточенной схватке! И ответила ей: «Милая девушка! Если вы мне укажете хоть один советский завод, где коллектив раскололся на две части в смертельной схватке, я поучусь у вас выяснить причины этого дикого случая. Но зачем выдумывать несуществующие, невозможные у нас рассказы, когда есть реальные, сложные, острые конфликты нового со старым, при чем старое не идет в бой с открытым забралом, а рядится в советские одежды и бьет исподтишка. Вскрывать гниющую суть под благородной маской труднее, чем выдумывать «гром, кровь и клубы дыма».

В последнее время много спорят об отрицательных персонажах и отрицательных явлениях, — как их изображать, можно ли показывать отрицательное без положительного и т. п. А жизнь, полная действительной борьбы нового со старым, помещается над этими схематическими спорами! Ведь то, с чем мы теперь непримиримо боремся, всего 37 лет назад было нормой. Претерпая в революционной обстановке эти нормы волежных отношений,

ний Макаренко, абстрагировавшись от литературной практики самого Макаренко и от всей его чудесной, деятельной жизни. Макаренко был настоящим инженером человеческих душ — и в своих книгах и в педагогической практике. И не помню, где и в какой связи он сказал об идеальном герое, который плывал бы по морю, но весь у него можно найти и десятки других высказываний, например, такое:

«Неповиновному наблюдателю Ивану Денисовичу казался обыкновенным сельским учителем, а на самом деле Иван Денисович есть тот самый положительный герой, которого так тщательно и давно разыскивает русская литература. Ивану Денисовичу тридцать лет, он добор, умел, силенок и в особенности работоспособности — последний качеством героем русской литературы, и отрицательные, и положительные, как известно, похвастаться не могут. Иван Денисович все умеет делать и всегда что-нибудь делает, но издали всегда кажется, что ему можно еще что-нибудь поручить».

Является ли Иван Денисович из «Педагогической поэмы» тем идеальным героем, чей образ увлечет воображение всех подростков? Нет, конечно. Воображение подростков обычно пленяется яркими героями, совмещающими в себе физическую красоту и боюатрскую силу, уэльс и благородство, дерзость и участливость. Нужны и такие герои, особенно в юношеской литературе, — да они и в жизни есть! Но можно ли на этой частной задаче замкнуть усилия советской литературы? Можно ли назвать ее главной? Ведь литература — это прежде всего познание жизни и ее движения и революционного развития, познание человека в его внутреннем содержании, и читатель благодарен писателю, если он помогает им увидеть истинную силу и красоту людей, подобную Ивану Денисовичу, распознать прекрасное там, где оно не бросается в глаза.

Миллионы героев нашего времени зель за дном, скромно и без ощущения своей исключительности творят замечательнейшие дела на наших заводах, в научных лабораториях, в колхозах, в школах, на льду Антарктики, на строительных, на основании целинных земель, в научных экспедициях. Все они — люди разные, своеобразные, друг на друга не похожие. Объединяет их лишь то, что они живут и действуют на основе нового, коммунистического кодекса чести, что в выходящих на их долю испытаниях они находят в себе силы принять решение, соответствующее их принципам и чувству долга, как бы это ни было трудно. Они — обыкновенные люди, они знают и ошибли, и сомне-

ния, и боль, и страх, они иногда поддаются под воздействию мелких чувств, но в них есть то главное, **величье** начало, которое дает им силу справиться с сомнениями, преодолеть ошибки, победить мелкие чувства. И это делает их крупными, замечательными личностями, людьми новой формации. Они и есть герои нашего времени. Их становление, победа величьею начала и призвана помочь наша литература — не дидактикой, а всем строем мыслей и чувств, всей своей образной сутью. Хотелось подчеркнуть, что боевая направленность, идейная целеустремленность литературы не имеют ничего общего с дидактикой. Когда в художественном произведении пробивается дидактичность, — это недостаток таланта, слабость образного мышления.

Стремление к созданию «идеального» героя неминуемо ведет к дидактичности. Иначе говоря, воспитательная роль произведения тем больше, чем идеальнее герой. Если принимать читателя не как безликую восприимчивую абстракцию, а как живых людей, борющихся современниками, и прислушаться к их мнению и восприятию, то мы увидим, что наибольшее впечатление производят не «идеальные» герои, а процесс становления героя, то есть мысли и чувства, колебания и решения, побуждения и поступки, сложные проблемы и моральные победы обычного, хорошо знакомого читателю человека, показанного в условиях реальной жизни.

Нетрудно писателю, что даже самым талантливым героям хуже всего удаются герои, которые заранее задуманы как целиком положительные, то есть идеальные. Такой герой обычно наиболее статичен. Он входит в книгу «готовым», со сложившимися чертами и достоинствами. Он все понимает, он во всем прав. В нем есть все, что мы ценим, кроме одного — жизнеспособности. По тому ли так редко удаются образы партийных работников? От всего сердца ждем показать коренного парторга или секретаря райкома, писатель вкладывает в него все хорошее, что партия воспитывает в своих членах, что свойственно партии в целом, — и невольно создает абстракцию. В идеальном герое, который сформировался где-то за пределами романа, читатель не узнает ни себя, ни своих товарищей. Ведь в жизни всякий человек, даже очень хороший и передовой, непрерывно познает новое, чему-то учится, что-то в себе преодолевает, чему-то обогащается.

Когда мы создаем героя «готового», мы лишаем читателя главного — волнений

переживания, соучастия в становлении характера. Такой герой никакого активного чувства не вызывает, потому что он выключен из живого процесса формирования нового человека, в котором участвует читатель, а реет перед ним как дидактический образец.

В чем секрет обаяния героя, привлекающего сердца читателей? Кажется мне, что в любви писателя к своему герою, потому что только любовь дает то проникновенное понимание человека, которое неслучайно расходуется в обилие и душевном содержании героя воплощаются — часто независимо от нашего осознанного намерения — эстетические представления общества. Вспомним героев классической литературы XIX века: при всем их разнообразии, в них отражаются определенные эстетические представления времени и класса. Прекрасные образы эти радуют читателей и в наши дни, но активно участвуют в нашем сегодня только те из героев, что воплотили в себе бессмертные черты национального характера — черты, получившие теперь новое развитие. Мы вспоминаем некросовые женщины, говоря о партизанках, о защитницах Ленинграда и Сталинграда: «Коя на скаку остановишь в горящую избу волей!». Но все меньше привлекает покорность судьбе Татьяны Лариной.

Покажу, в центре эстетических представлений нашего социалистического общества о настоящем герое — **активное начало** в характере человека: идейная целеустремленность, негибкость, упорство, выдержка, энергия. Герою простят ошибку, но не простят пассивности. Его человеческие слабости читатель поймет, но он будет очень требователен к **решению** героя, потому что знает, видит, верит — передовой человек нашего общества через все трудности и колебания пробьется к верному, мужественному, принципиальному решению. А решения определяют **поступки**, то есть те проявления человека, в которых и отражается его истинная человеческая ценность.

Прелесть и обаяние наиболее любимых героев нашей литературы в том, что это — живые люди, действующие и борющиеся, люди сильных характеров и ясного мировоззрения. Они знают и сомнения и ошибки, они сталкиваются с пережитками прошлого не только в других — и в самих себе, но умеют их перебороть. В таком герое читатель узнает себя, чтобы потом восхититься нравственной силой, поступками и решениями этого близкого, понятного человека, восхититься и сказать себе: «Я тоже могу быть таким! Это трудно,

ПОВЕСТЬ О СЕКРЕТАРЕ РАЙКОМА

У секретаря комитета партии одного из сельских районов Молдавии Катина Андреевича Нистрану много воиной и забот.

Район заводал с севом, тракторы «дешь работают, а трол» — стоят, а Властик — директор МТС — гоняет шары на бильярде.

В Понорах, на большом пустыре, где колхозники закладывают виноградники, произошло чудо: появилась в заброшенной пещере икона божьей матери. Кто-то — не боги, а враги! — изобразил ее на глиняной плите плачущей. Есть колхозники, которые решили не выходить на работу, — почему бы, спрашивается, божьей матери проливаться слезы?

В Трифанештском колхозе диетическую воду подают водокочкой на вершину холма, а отсюда она самостоком направляется на огородах. С другой стороны холма находится огорода Адианского колхоза. Земля тут сохнет под солнцем. Но Васильну, трифанештский предводитель, давно не в ладах со своим соседом — прижимистым Пинтене. Поэтому Васильну не дает воды. И вот ночью Пинтене со своими колхозниками пробывает канаву и, связав сторожа, отводит воду на участок своего колхоза. Скандал, беспорядок! Как быть?

Звеньевой из Адынки Вана Кордасте в прошлом году собрал самый высокий урожай овощей — прославился на весь район. А нынче его обвиняют в пьянстве. В чем дело? Он, оказывается, полюбил Ленуцу Ширву, санитарку из адынской больницы. Девушка ни с того, ни с сего требует венчанья в церкви. А Вана — комсомолец, та и Ленуца вроде была неверующей. Надо разобраться и в этом. Не ведет ли и эта ичотка к врагам?

Антон Тинкован предлагает превратить сырую маярийную долину Паваре в хлопковое поле. Он самолетом и шпатель, торпедой заливает об этом, как о своей инициативе, в Центральном Комитет партии, в Кишинев. Ну что ж, сочтемся слабой. Предложение хорошее...

Последний секретарь райкома в разведках: заботы, хлопоты, дела. Дела интересные, хлопоты увлекательные. Нистрану в настоящем общении с самыми разными людьми — разными по характеру, воспитанию, взглядам на жизнь.

Автор хорошо знает то, о чем пишет, и умеет внушить читателю интерес ко всему этому простому и стремительному потоку больших и малых событий.

С интересом знакомится читатель и с главным героем произведения.

Раньше в старой Румынии Катина Нистрану был простым кочетаром. Теперь он первый секретарь райкома в Бужорах. При господстве помещиков и кулаков здесь жили в темноте и нищете. Сейчас бужорские объединились в колхозы, получили могучую технику, деятельно строят новую жизнь. Опыта у них еще мало. И у колхозников и у самого Нистрану. Но он искренно предан делу, правдив, честен. Бужорские видят в нем близкого человека, руководителя, понимающего их нужды.

Автор откровенно показывает промахи и слабости Нистрану, Нистрану излупиле мягко, ему не хватает внутренней уверенности, слишком он доверчив, склонен примириться с бездарностью и обязательскими отношениями к делу второго секретаря райкома — Корни.

Можно спорить о том, все ли поступки Нистрану переданы автором с психологической убедительностью. На наш взгляд, не все. Но в целом Л. Барскому удалось создать образ человека, постепенно становящегося настоящим партийным руководителем. Автор стремится избежать схем и в большинстве случаев добивается этого.

Л. Барский. «Бужорские» (Октябрь, №№ 1, 2, 3, 1954 г., Кишинев).

Ник. ЖДАНОВ

Широко, радостно изображая рост нового, Л. Барский не боится изображения теневых сторон действительности. Резко и определенно очерчен в повести образ тупого, нечистоплотного Корни, случайно попавшего на руководящую работу. Он опасен, в частности, тем, что не умеет справиться с делом сам, клеветает на других людей, распознавших его ничтожество.

Во многом живыми, многогранными оказались в повести образы других героев — самолюбивого, работающего Тинкована, скромного Баркова, хозяйственного Пинтене и т. д. Л. Барскому удалось передать в повести атмосферу трудовой, деятельной жизни бужорян — свободных труженников новой Советской Молдавии.

И все-таки говорить о повести, как о художественной удаче, рано. Почему?

Автор велет повествование, как правду, от лица главного героя Нистрану. Это помогает сближению с ним читателя, способствует безыскусственности и простоте повествования. Однако Л. Барский не придерживается единого стиля. Главн, налицо от первого лица, то и дело беспорядочно и без видимых оснований переключаются с другими, мнимами от автора. Повествование становится похожим на какой-то калейдоскоп. Герои вдруг начинают говорить о себе в разных лицах, так что читателю даже трудно уловить, о ком именно идет речь. Вот один из примеров: «Зина поворачивается на другой бок, достает из-под подушки платочек, вытирает мокрые от слез глаза. «Бога, живи с ней, если ты ее любишь». А что будет делать она? «Не пропаду». Заканчит институт, пойдет работать в школу. Ога найдет свое счастье в работе среди детей».

Здесь отчетливо виден и другой художественный недостаток повести: автор небрежно работает над словом. В повести нередко встречаются фразы, вызывающие ироническую улыбку, хотя они написаны вполне серьезно: «А Зина сохнет у своей сестры, учительницы»; «С тех пор являющийся членом партии не сердится» и т. п. А вот пример из «самосточетов» Нистрану: «Вечером Зина приглашает меня выйти на двор. Садимся на скамейку, за домом. Пытаюсь завязать разговор. Не получается. Начинаю ласкать ее, — она не отвечает ни одним движением».

Во всех этих многочисленных случаях, против воли автора, его повествование приобретает вдруг неожиданно пародийный оттенок. Возможно, что в большой степени виноват в этом и переводчик (авторизованный перевод с молдавского С. Пасько).

И последнее. Решительную, на мой взгляд, неудачу потерпел автор в изображении «лирических» отношений между Нистрану, его женой Зиней и другим их семья — вдовой Антониной Петровной. Несмотря на селые волосы и горячую любовь к жене, оступил Нистрану вторую любовь. Образ красавицы Антонины Петровны не дает ему покоя ни на минуту. Он и любит ее и избегает, тянется к ней и боится поднять глаза, сказать лишнее слово. То же происходит с ней самой.

Попытка автора придать этим отношениям психологическую глубину явно не удалась. Автор решил, видимо, осложнить образ Нистрану, «порнообразить» его за счет несчастной любви. Но это намерение отбавляет какой-то вымученность, невнятность. И описана любовь порой грубо, порой слащаво, порой смешно.

Подвола итог, можно сказать так: повесть «Бужорские» может стать полезным вкладом в молодую литературу Советской Молдавии. Но над первым вариантом нужно для этого много, же торопясь, поработать и автору и редактору.

Ник. ЖДАНОВ

РЕПЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ Под сенью ананасов

Заслуживает всемерной поддержки стремление Туркменского государственного издательства познакомить читателя с образцами блестящей политической сатиры Маяковского, с его стихами об Америке.

К сожалению, в изданном на туркменском языке сборнике «Маяковский об Америке» читателю неприятно поражает низкое качество большинства переводов стихотворений поэта. Быть может, просто невозможно передать на туркменском языке особенности поэтики Маяковского? Нет, в сборнике есть несколько точных переводов Берды Кербабая, хорошо передающих поэтический строй подлинника (стихотворения «Христос в Колоде», «Сифилис»). Но почти все остальные переводы поражают своим небрежностью, а иногда и просто затупленным исполнением. Порой с недоумением задаешь себе вопрос: да полно, Маяковский ли это?

В самом деле, как можно говорить о каком-то соответствии подлиннику, когда до предела сжаты и четкие строки Маяковского из стихотворения «Небоскреб в разрезе»:

Сороковой. У спальни опереточной дивы. В скважину замочную, сосредоточив пруть, чтоб Кулидж дал развод, мужья должны в кровати накрыть

в переводе Я. Насырли приобретает совершенно невразумительный вид:

Сороковой. Спальня артистки. Ее профессия — петь в опере. Разгневавшись от ревности, Кулидж, ее муж, желающий прогнать ее, Назначил сыщиков, они Смотрят через замочную скважину, Если жена с кем-нибудь положит голову на подушку,

То она должна быть освобождена от брака.

Кажется, переводчику Маяковского не мешало бы знать, что Кулидж — не муж артистки, профессия которой «петь в опере» (своеобразное толкование выражения «опереточная дива»), а тогдашний президент Соединенных Штатов.

Таковыми переводческими «перлами» пол-

ны и другие стихотворения в сборнике. Взять хотя бы такую строку:

От похвал красней, как флага нашего матерья... («Бруклинский мост»).

Р. Алтнев перевел ее довольно оригинально:

От похвал красней, как флага нашего матерья.

В том же стихотворении строки:

поймешь — поезде с дребезжаном ползут, как будто в буфет убирают посуду

предстают перед читателем в таком виде:

Ты узнаешь, что ползут поезде, как будто в их буфете моют посуду,

а в строках:

так с этим мостом столетий геолог сумел воссоздать бы дни настоящие

переводчик понял «настоящие» как «очень хорошие» и перевел: «смог бы построить здесь самые счастливые дни».

Всем знакомая ораторская манера, чеканный ритм стиха Маяковского. Однако стихотворение «Кем «Нит гедайте» переведено Р. Алтневом таким легковесно-разудалым размером, что только дышу даешься.

По воле переводчика Я. Насырли известные строки:

Цели кругом чудеса ботаники. Бананы сплетали сплошной кров («Блэк энд уайт»)

предстают перед нами в такой «обработке»:

Весна во все стороны рассыпала свои розы. Ананас (!) украшал дом, балкон.

Как утверждает «Большая советская энциклопедия», ананас — «род травянистых тропических растений». Трудно представить его «украшающим дом и балкон».

Пожоже, что не слишком внимательно прочитал книгу редактор по переводам Б. Джурменек, так же как и ответственный редактор сборника М. А. Николаева.

С. СЕРГЕЕВ

Книги для детей

Александрова З. В приморской станице. Поэма. Для младшего возраста. Рисунки С. Курьянинова. Детгиз. 32 стр. Цена 55 коп.

Алексеев В. Наш горюк. Стихи. Для младшего возраста. Рисунки В. Бродского. Детгиз. 24 стр. Цена 40 коп.

Бараташвили М. Нанули. Стихи. Для дошкольного возраста. Перевод с грузинского Е. Тараховской. Рисунки М. Успенской. Детгиз. 17 стр. Цена 30 коп.

Василько И. В ногу. Рассказы. Для среднего возраста. Рисунки В. Калусинского. Детгиз. 119 стр. Цена 2 руб. 40 коп.

Васильев А. Товарищ Арсени. Рассказы о М. В. Фрунзе. Для среднего возраста. Иллюстрации В. Говорова. Ивановское книжное издательство. 136 стр. Цена 2 руб. 15 коп.

Высокоский К. Моим друзьям. Рассказы в стихах. Для среднего и старшего возраста. Рисунки В. Ветрогонского. Детгиз. 48 стр. Цена 40 коп.

Гринвуд Д. Маленький обормот. Повесть. В пересказе Т. Богдановой и К. Чуковского. Для среднего возраста. Рисунки Н. Петровой. Издание 5-е, исправленное. Детгиз. 208 стр. Цена 3 руб. 95 коп.

Коновалов В. Великаны гор. Для млад-

шего возраста. Рисунки Н. Строгановой и М. Алексеева. Детгиз. 80 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Купер Д. Ф. Последний из могикан. Роман. Для старшего возраста. Перевод Е. Чистяковой-Вар и А. Репиной. Рисунки Андрияшвили. Детгиз. 351 стр. Цена 7 руб. 95 коп.

Матье М. День египетского мальчика. Историческая повесть. Для среднего возраста. Иллюстрации Т. Шиммаровой и Ю. Киселева. Детгиз. 128 стр. Цена 2 руб. 95 коп.

Рассказы и сказки русских писателей. Детгиз. 160 стр. Цена 2 руб. 70 коп.

Слауикс М. Адамелис-часовой. Рассказы. Для среднего возраста. Перевод с литовского. Рисунки С. Розинаса. Детгиз. 104 стр. Цена 2 руб. 70 коп.

Спангенберг Е. Залиски натуралиста. Для среднего возраста. Рисунки Г. Никольского. Детгиз. 352 стр. Цена 6 руб. 05 коп.

Халлециг Г. Большое плавание. Повесть. Иллюстрации Ю. Макарова. Книга 1. Владивосток. Приморское книжное издательство. 288 стр. Цена 4 руб. 85 коп.

Чкаников И. Сильные, смелые, ловкие. Игры. Детгиз. 144 стр. Цена 3 руб. 15 коп.

ЗА ЧТО И ПРОТИВ ЧЕГО БОРЮТСЯ НАШИ КНИГИ

Дания обеднела с тех пор, как умер Мартин Андерсен-Нексе. Он был чемпионом своей страны.

За ним стоял народ — старик Лессе и Дитте.

«Писатель», — сказал Нексе, — несет большую ответственность перед человечеством, величайшую из всех, вообще возлагаемых на кого-либо. Мы — те, кто был товарищами Мартина Андерсена-Нексе, — не имеем права забывать об этой ответственности.

Литературные образы старинной сатирической традиции, которая восходит к народным притчам и сказкам. Это были сособы, которыми бедняки могли высказать правду о господствующем классе. Не случайно знаменитый писатель Дании Х. К. Андерсен избрал форму сказки. Вышедший из народной среды, он при помощи своих сказок мог сказать о господствующем классе все, чего нельзя было сказать прямо. Это только так кажется, что сказки Х. К. Андерсена предназначены для детей.

Первым, кто приобрел в датской литературе мировую известность, был драматург Людвиг Хольберг, сатира которого жавет и сейчас, спустя двести лет после его смерти. Суверен, с которым он боролся, ученый педантизм и тупость воиенских, которые он выставил на смех, — темы, еще актуальные для современной датской литературы.

Смех — хорошее оружие в борьбе. Нет и не может быть пропасти между прогрессивными писателями и остальными тружениками. Их должна объединять одна и та же борьба, как их объединяют один и те же мечты и надежды. Борьба за счастье людей и против врагов человечества объединяет прогрессивных писателей капиталистических стран с писателями социалистического общества. Различные условия, но борьба за счастье и достоинство человека, за мир и взаимопонимание между народами — одна.

У прогрессивных писателей капиталистической страны — двойная задача. Прежде чем строить, им нужно расчистить место. Читатель той части света, которая уже освободилась от капиталистической скверны, несомненно, обратит внимание на критическое начало в нашей литературе. Она из задач нашей литературы — изображение отвратительной агонии капитализма.

Процесс разложения капиталистического общества, который происходит на наших глазах, должен обязательно отразиться в нашей литературе. Мы должны изобразить, насколько это общество поражено гниением.

Обязательная необходимость — не терять под влиянием этого процесса веры в людей и любви к жизни. Без этой веры и любви наше влияние на людей потеряет смысл. Сознание того, что честные люди правят половиной мира, придает нам бодрость и силу. Светлый пример Советского Союза показывает богатство возможностей, открывающихся перед человеком.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

В датской литературе существует старинная сатирическая традиция, которая восходит к народным притчам и сказкам. Это были сособы, которыми бедняки могли высказать правду о господствующем классе. Не случайно знаменитый писатель Дании Х. К. Андерсен избрал форму сказки. Вышедший из народной среды, он при помощи своих сказок мог сказать о господствующем классе все, чего нельзя было сказать прямо. Это только так кажется, что сказки Х. К. Андерсена предназначены для детей.

Первым, кто приобрел в датской литературе мировую известность, был драматург Людвиг Хольберг, сатира которого жавет и сейчас, спустя двести лет после его смерти. Суверен, с которым он боролся, ученый педантизм и тупость воиенских, которые он выставил на смех, — темы, еще актуальные для современной датской литературы.

Смех — хорошее оружие в борьбе. Нет и не может быть пропасти между прогрессивными писателями и остальными тружениками. Их должна объединять одна и та же борьба, как их объединяют один и те же мечты и надежды. Борьба за счастье людей и против врагов человечества объединяет прогрессивных писателей капиталистических стран с писателями социалистического общества. Различные условия, но борьба за счастье и достоинство человека, за мир и взаимопонимание между народами — одна.

У прогрессивных писателей капиталистической страны — двойная задача. Прежде чем строить, им нужно расчистить место. Читатель той части света, которая уже освободилась от капиталистической скверны, несомненно, обратит внимание на критическое начало в нашей литературе. Она из задач нашей литературы — изображение отвратительной агонии капитализма.

Процесс разложения капиталистического общества, который происходит на наших глазах, должен обязательно отразиться в нашей литературе. Мы должны изобразить, насколько это общество поражено гниением.

Обязательная необходимость — не терять под влиянием этого процесса веры в людей и любви к жизни. Без этой веры и любви наше влияние на людей потеряет смысл. Сознание того, что честные люди правят половиной мира, придает нам бодрость и силу. Светлый пример Советского Союза показывает богатство возможностей, открывающихся перед человеком.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит бумага, а это определяет, что должно стоять на ней. Литературная одаренность — также товар, предмет купли-продажи. И литераторы тоже имеют своих нанIMATEлей. Поэтому то, чего нельзя сказать прямо, приходится говорить косвенно. Поэтому пишущему приходится иногда хитрить и высказываться иносказательно. Прония и сатира всегда были оружием угнетенных.

Литература, борющаяся в условиях ка-

питалистического общества, ищет различные формы выражения. Формально датская конституция обеспечивает свободу слова. Но при свободе слова принадлежит тому, кому принадлежит

Бруно ФРЕЙ,
австрийский журналист

В ЛОГОВЕ РЕВАНШИСТОВ

Я стоял на арматорной площадке Ганновера среди участников реваншистской демонстрации: они приветствовали рукопожатия своего объединения, когда он воскал на трибуны, заправленную в черной и белой цвета: «Мы пришли сюда, чтобы продемонстрировать перед всем миром, что Германия одна, от Мааса до Мемеля, от Этча до Вельта!»

Это — обычная картина в Западной Германии: реваншистские демонстрации, слеты бывших участников гитлеровского вермахта и в заключение всегда — «Германия, Германия превыше всего, превыше всего на земле».

Многодневная поездка воль и поперек Западной Германии дала возможность познакомиться с бурлящим котлом, в котором варится адское зелье нового германского милитаризма.

Осенью 1935 года начал военную службу первый рекрутский набор нового германского вермахта, молодежь рождения 1935 года. До тех пор 150.000 добровольцев «ведомства Бланка» — персонал вермахта, занятый военным обучением новобранцев, будет ознакомлен с новым оружием. Отдел снабжения армии в Кобленце подготовил все, вплоть до последней пуговицы. Для 250.000 человек, как заявляют официально, или для 550.000, как добывают нерешительно, или для 800.000 человек, как утверждают шепотом, — пока еще неизвестно.

Несколько месяцев назад говорили: «...если договор о европейском оборонительном союзе вступит в силу...» Сегодня Аденauer угрожает новым германским вермахтом так или иначе, при наличии «европейского оборонительного союзов» или без него. Эти угрозы предназначены для того, чтобы запугать Францию. Однако на Францию они оказали противоположное действие: неверие и сопротивление резко возросло.

Имеется бесчисленное множество доказательств того, что Западная Германия настолько далеко продвинулась в милитаристских и военно-экономических приготовлениях, что возрождение агрессивной армии (предупрежденное англо-американскими повременьями Аденаура) может быть осуществлено без долгов отлагательства. Оружием пока что снабдит США, а промышленность Рура также, как известно, предназначена не для производства детских игрушек.

Сейчас в Бонне особое внимание привлекает дом, в котором родился Ветховен, но дворец Шаумбург — резиденция Аденаура и уж во всяком случае не модернистское здание бундестага. Наиболее тщательно охраняемая тайна западногерманской столицы скрывается в скромном двухэтажном здании из красного кирпича, что на углу Аргеландерштрассе; над подъездом естественная табличка с надписью: «Боннская мастерские слесней»; здесь находится «ведомство Бланка», фактическое боннское военное министерство...

«Европейская армия» или «армия атлантическая» — это совершенно безразлично генералам и полковникам из «ведомства Бланка», занятым восстановлением гитлеровского вермахта. До ярыжка им нет дела. Они, эти генералы и полковники, — мозг новой германской военной машины.

Немного дальше, в новом здании на Кеннштрассе, находится «Немецкий солдатский союз». И здесь тоже внешне все очень скромно — никакого блеска. Этот «союз» создан в декабре 1951 года. Его «крестными отцами» были генералы Мантейфель, Гудеран, Рамке, Гилле, адмирал Ганзен. Тогда уже открыто была поставлена задача объединения кадровых солдат. Из этого здесь не делают тайны даже по отношению к незнакомым посетителям: из 106 тысяч членом «союза» — 40 процен-

тов офицеры, причем каждый двадцатый — в ранге генерала.

«Немецкий солдатский союз», возглавляемый адмиралом Ганзеном, стремится к слиянию всех солдатских организаций, объединяющих около трех миллионов человек. Наряду с этим «союзом» существуют организации инвалидов войны и бывших военнослужащих, охватывающие основную массу военнослужащих вермахта; есть так называемые «традиционные союзы» солдат и офицеров, служивших в одних дивизиях и полках гитлеровских вооруженных сил; к их числу относятся и мощная организация бывших эсэсовцев. Недавно с «Немецким солдатским союзом» объединился «Киффелейербунд», «Стальной шлем», возглавляемый Кессельрингом, остается автономным.

Для чего нужен этот гигантский механизм? Великий просмот печатных органов солдатских союзов показывает, что назначение последних в том, чтобы, играя на чувствах фронтového товарищества, использовать «старые солдатские традиции» (иначе говоря — прусский воинский дух) для создания нового вермахта.

На общегерманском «слете солдат» 9 июля 1953 года председатель боннского бундестага Элерс заявил: «Скорее решающее слово будет принадлежать вам, а не политическим деятелям; у вас есть опыт войны...». Понятно, что солдатские союзы единодушно высказываются в пользу «европейского оборонительного сообщества». Для них это лишь условное обозначение «Великой Германии». С поразительным лиризмом газета «Киффелейербунд» восхваляла «новых пруссаков», в которых «Европа» отныне видит «форпост, защищающий свободу от Востока»...

Несмотря на трескучую «европейскую» фразеологию, дух старопрусских традиций отлично сохраняется в этих солдатских союзах. Вот как, например, это выглядит. «Я объявил Паулу Л. из Ганновера строгий выговор за дисциплинарное нарушение, согласно пункту 3 статьи III «Б» дисциплинарного устава («Справочник «Стального шлема», 1927 год, стр. 257). Вопреки моему призыву, Л. не придерживался установленного служебного порядка и, помимо того, послал президенту «Стального шлема» открытку неполюбопытного содержания и формы. Паулу Л. предоставляется пять дней для объяснения, считая со дня ознакомления с приказом о наложении взыскания. Жалоба должна быть направлена в письменной форме по инстанции. Дисциплинарное взыскание должно быть занесено в книгу взысканий соответствующей местной группы».

Это можно прочитать в приказе № 4 за 1954 год по земельной организации «Стального шлема», в части, касающейся местных групп районов Везер-Гейне и Ганновера. «С товарищеским приветом и фронтавым «хайль». Подписано: Д-р Г., руководитель земельной организации».

Солдатские союзы — резервы кадров для вермахта. Управляемые генералами, они должны подготовить ноги молодых немцев к маршированию, тела — к ношению военного мундира, головы и сердца — к провинциальным эсэсовцам.

Гитлеровские генералы покрывали страну сетью военно-исследовательских организаций, где ведутся в более широких, чем когда бы то ни было, масштабах актуальные военные изыскания.

Выберем из огромного количества материалов несколько примеров. «Верхнее хефте» (№ 1 за 1954 год) приводит «немецкую точку зрения на вопрос о введении унифицированных боеприпасов для пехотного оружия, принятого в войсках Североатлантического блока, с учетом опыта немцев на Востоке». Белая штабский задается вопросом: «Да разве Германия стала членом Атлантического союза без того, чтобы об этом не потрудились сообщить Францию и другим странам мира?» В «Марине-рундшау» оценивается опыт германской дунайской флотилии во время второй мировой войны. В журнале «Верхнее хефте», органе общества «Гезельшафт Фюр Веркунде», мы встречаем «научный» шпионский доклад об Австрии, в котором указываются предполагаемые места расположения советских воинских частей. Автор «отчета» исходит из предположения, что настанет день, когда в порянке осуществления «наступательной обороны» Запада «происойдет концентрация соединений немецких моторизованных и танковых частей в баварско-германском пространстве, граничащем с пока еще фиктивной альпийской крепностью». Как мы видим, генералы уже «концентрируют», правда, пока только на бумаге, «мощные немецкие моторизованные и бронированные соединения», направляет их против «находящегося на расстоянии 200 км по прямой линии австрийского бастиона»...

Резиденция этого не слишком безбедного общества, «Гезельшафт Фюр Веркунде», находится в Мюнхене; многочисленные его филиалы разбросаны по всей «боннской республике». Пункт третьей программы общества гласит: «Возрождение здорового военного духа и готовности к войне среди солдат и у всего народа».

Один бывший полковник, издатель военно-научного журнала, открыто заявил мне, что «Гезельшафт Фюр Веркунде» — организация, созданная Мантейфельем для организации офицерских кадров. Бывший гитлеровский генерал танковых войск Хассо фон Мантейфель — в настоящее время лгулат бундестага. Его считают кандидатом на пост верховного главнокомандующего вермахта.

У западногерманских генералов работы по горло... и не только у генералов «ведомства Бланка», расположенного на тихой боннской улице — Аргеландерштрассе!..

Я присутствовал на съезде сукетских немцев в Мюнхене. 400.000 человек стеклось на Терезиенплац, чтобы услышать своего «фюрера» Лотмана. Демонстрация была сплошным воплем об уничтожении Чехословацкой республики, о пересмотре потугамских соглашений, о «великогерманской миссии» в Центральной и Южной Европе...

Боннские правоведа разработали теорию, которая стала официальной государственной доктриной аденауэровского «рейха»: «Федеральная республика» является законной наследницей Германской империи.

По этой теории Западная Германия на законном основании принадлежит все, что когда-либо принадлежало Германской империи.

Они поставили себе задачу, начав с Германии, «освободить весь мир». Этого требовал еще кайзер Вильгельм, когда он воскликнул: «Германский дух должен оздоровить весь мир».

В попытках к тому уже сейчас нет не-

достатка. В Штутгарте в институте внешнеполитических сношений (бывший гитлеровский институт внешней политики) вновь сходятся нити связей с немцами, живущими за границей. В читальном зале лежит издающаяся на немецком языке газета «Бразильность», рядом — журнал «Цейтшифт Фюр геополитик». Совсем как во времена Гесса, журнал призывает: «Им (нынешним великим державам. — Б. Ф.) должны быть указаны границы (империи. — Б. Ф.). Эта задача, направленная на благо всего мира, должна также преисполнить и нас, немцев, сознанием своей новой миссии; она должна мобилизовать нас на решительные действия, и нам нужно быть уверенными в себе, но скромными» — как гласит старая солдатская поговорка.

На таком языке и в таком смысле написаны сотни страниц.

В Карлсруэ я был на торжественном заседании так называемого «Германского блока». В гостинице Кроненфельд собралось около 200 человек. Выступал в дешевой манере бродячего комедианта, сильно жестикующий и надрывающий голос, председатель этой организации Карл Мейнер: тщательная отработанный копия «Фюрера».

Вот выдержка из стенографических записок, которые я сделал во время его речи: «После 1945 года немецких мужчин сделали ничтожеством и кастратами. Немецкие мужчины предназначены природой для защиты отечества и семьи. Но победили 1945 года обезоружили нас; теперь они приходят к нам снова, но полумерами ничего не достигают... Немецкая женщина вырождается с тех пор, как, вопреки законам природы, она стремится к эмансипации».

Германский блок — лишь одна из организаций, претендующих на то, чтобы считаться наследницей нацистской партии. Другой такой организацией является «Немецкая имперская партия». Ее газета «Рейхсфюрер» издается в Ганновере. Вот выдержка из номера этой газеты от 3 июля: «Многочисленные члены «Немецкой имперской партии», посетившие организованной по инициативе «Стального шлема» и «Союза фронтавого» большой концерт военной музыки, с радостью отметили, что миссияция по-солдатски часть ганноверского населения очунулась от опеченения. Это мероприятие ганноверской организации «Стального шлема» — проявление чисто прусского национального духа. Под старым германским военным знаменем и черно-бело-красным полотноцем, при звуках марша «Фридрихс-рекес», торжественно появился, облаченный в полную форму, старый Фриц, сплывший на землю» (имеется в виду Фридрих II. — Б. Ф.); он обратился к прусскому народу со словами торжественного призыва».

Номинально во главе «Немецкой имперской партии» стоит Адольф фон Талдене, фактически же ею руководит гитлеровский генерал Жан Ульрих Гудель, находящийся в Буэнос-Айресе.

Одно из изданий неонацистов носит название: «Нация-Европа». Ежемесячный журнал на службе европейского обновления». В апрельском номере 1954 года в нем напечатан «фламандский привет» Рудольфу Гессу. К военному преступнику обращаются со словами: «Рудольф Гесс, мы приветствуем тебя!» И далее: «О том, как низко пала Европа, свидетельствует тот факт, что Рудольф Гесс — первый европеец — все еще сидит в тюрьме».

Неонацистские группы в Западной Германии представляют собой резервы монополистических кругов, которые полагают, что для германского империализма наступил время, когда он может отжаться из самостоятельные действия.

Не сомнения: уже сегодня германский милитаризм, опирающийся на промышленную мощь немецких магнатов капитала и поддерживаемый Вашингтоном, является зловещей угрозой для народов Европы.

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ — ВЕНА

Западный Бердин. Американский танк на маневрах в парке Груневальд. Снимок из немецкого журнала «Зоннтаг»

Эти два снимка могут служить яркой иллюстрацией жизни в современной Италии. Слева: полицейские избивают участников демонстрации, организованной в знак протеста против антинародной политики правительства, расходуемого гигантские средства на вооружение, в то время как массы трущобных живут в условиях ужасающей нищеты. На снимке справа: жертвы этой политики — жители Неаполя, нашедшие себе приют в мрачной и сырой пещере, расположенной неподалеку от центральных кварталов города. В таких пещерах живут тысячи семей. Снимок из немецкого журнала «Zeit im Bild»

ЕЩЕ РАЗ О ВОСПИТАТЕЛЯХ УБИЙЦ

Изданье «комиксов» — иллюстрированных книжек, прославляющих садизм и убийства, давно уже превратилось в прибыльный «бизнес». Нравственное растение американской молодежи под влиянием комиксов и голливудских фильмов приняло в США такие небывалые масштабы, что за изучение проблем детской преступности взялась специальная подкомиссия американского сената.

Мы уже сообщали * не так давно, что эта подкомиссия во время двухдневного разбирательства попыталась с помощью показаний ряда лиц установить, какую роль играют «комиксы» в моральной порче юного поколения. Однако капитаны «индустрии комиксов», продажные педагоги и врачи объявили «коммунистическим заговором» любую попытку помешать распространению своей растленной продукции.

Заседание подкомиссии превратилось в фарс, поставленный в маккартистском духе. По странной иронии оно происходило в здании федерального суда на Фоллс-стрит в Нью-Йорке, в помещении, которое за последние пять лет не раз уже служило местом «разоблачения коммунистических заговоров».

Приводим некоторые любопытные подробности этого заседания сенатской подкомиссии.

Вот как это произошло. Члены сенатской подкомиссии Генриксон, Кефер и Хеннинг заступились показания по вопросу о том, влияют ли на преступность среди несовершеннолетних 240 млн. экземпляров «комиксов», продаваемых ежегодно в США. Но этому вопросу были заслушаны специалисты, включая х-ра Фредерика Вергелла, который заявил, что «комиксы» наглядно показывают детям, как совершаются преступления. Вертхейм настаивал на принятии закона, ограничивающего продажу вредной «литературы».

Против этого решительно выступил Уильям Гейнс, президент компании «Развлекательные комиксы» («Энтертейнинг комикс групп»), которая ежемесячно выпускает два миллиона экземпляров так называемых «страшных комиксов».

Гейнс заявил: «Я — первый издатели в США, который начал издавать страшные комиксы, и я горжусь своей продукцией». Он добавил, что этот тип литературы «не приносит детям ни капли хорошего, но не причиняет ни никакого вреда». Гейнс выступил с категорическими возражениями против цензуры над печатью или законом, нарушающего «свободу печати и изданий». Содержание «комиксов», сказал он, должно определяться только «хорошим вкусом».

Затем Гейнс показал сенаторам редакционную статью, которая будет опубликована в предстоящих выпусках пяти его «комиксов» под заголовком: «Коммунизм — вот кто больше чем кто-либо еще стремится уничтожить комиксы. Не огурачили ли нас красные?»

Американские газеты следующим образом охарактеризовали эту статью: «Сначала помешаны три рисунка, изображающие некоего издателя комического журнала в Советской России; его многокрасочный печатный станок разбирают и вывозят, а его самого вешают. В статье говорится: «Итак, в следующий раз, когда какой-нибудь шутник выступит на заседании Ассоциации родителей и учителей»

Сначала помешаны три рисунка, изображающие некоего издателя комического журнала в Советской России; его многокрасочный печатный станок разбирают и вывозят, а его самого вешают. В статье говорится: «Итак, в следующий раз, когда какой-нибудь шутник выступит на заседании Ассоциации родителей и учителей»

* См. «Литературную газету» от 1 ноября с. г.

Герои и конфликты нашего времени

(Окончание. Начало на 2—3 стр.)

то, как они успели сами, своей настойчивостью и личными качествами завоевать его. И в этом нам усилению способствовали многие режиссеры и критики, побавляющиеся всяких обострений: «Зачем смерть? Пусть будет легкое недомогание, которое пройдет. Зачем тяжелое увечье? Достаточно легкого ранения!» Вспомним, сколько упреков было адресовано Г. Николаеву за то, что это Алеша умер. А ведь именно смерть Алешы позволила писателю поставить образно, художественными, а не дидактическими средствами важный вопрос о том, что внимание к товарищу должно стать законом жизни коллектива.

Возвзв тяжелого, трагического, сложного — это не оптимизм, а брайрность. Интересно, что ряд книг, особенно побывшихся читателями и оказавших на них большое моральное воздействие («Как закалялась сталь», «Разгром» и «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Педagogическая поэма»), — это книги, где в основу положены реальные события и реальные судьбы, и может быть, именно поэтому правда жизни во всей ее суровости там ничуть не пригнана и не смягчена. А ведь это глубоко оптимистические — самые наши оптимистические книги!

Вредность «теории» бесконфликтности не только в том, что она увидела литературу от борьбы с реально существующим злом и вела к лакировке действительности, к отрыву литературы от жизни, но и в том, что она убивала положительного героя, не давая ему крупно проявиться в действии.

Все качества человека проверяются делом, в жизненных столкновениях. Неразвешенная сила советского патриотизма стала видна всему миру, как ведущая черта советских людей, во время Отечественной войны, когда этот патриотизм ро-

ждал массовые подвиги в бою и труде, породил неслыханное терпение и упорство. Бездельник, валяющийся на диване, не может проявить коммунистическое отношение к труду, даже если он полон самых благих принципов, а человек, никогда теоретически не определявший своего отношения к труду, все же проявляет именно коммунистическое отношение, когда вкладывает в повседневный труд свою душу, свою творческую мысль и энергию. Есть люди, которых годами считаешь своими друзьями; но вот наступил в твоей жизни тяжелый час, наступило испытание дружбы... и как много «друзей» молниеносно отсеиваются, и как чисто и радостно сияет истинная дружба, бескорыстная и щедрая! И как в самой этой дружбе отчетливо выступает качественное различие друзей: одни лишь сострадают и утешают, другие — и это настоящие, новые люди! — борются за то, что считают справедливым.

В этом и есть «секрет» создания положительного героя: проявил его в деле, поставив его в острые жизненные обстоятельства, требующие решений и действий, не торопясь выводить его из трудной ситуации до того, как он сам разорвет ее. Если побуждения и поступки героя будут благородны, читатель воспримет героя как настоящего героя нашего времени, как бы ни было в нем мало «геройских» красок.

Я позволю себе сослаться на личный опыт, поскольку тут я знаю не только осуществление, но и замысел, не только готовые образы, но и процесс их создания. Я с большой любовью писал своего Сему Алтшуллера («Мужество»), но совершенно не предполагал, что он вырастет в одного из главных положительных героев романа. А он вырос. И читателям совершенно не мешает то, что у Семы нет ни одного атрибута «настоящего героя» — ни красоты, ни богатой силы, ни безбашенности, что Сема — маленький, рваный, неказистый, смешной, излишне красноречивый, с забавными оборотами речи, испорченный жаргоном. В Семе много черт героя комического, он вызывает улыбку читателей, но в разных сложных и тяжелых обстоятельствах Сема чувствует, ренат и поступает, как человек поной, коммунистической формации, как человек большого сердца и чуткого ума, — и чита-

тели видят в нем героя положительного, а не комического. Неожиданно для меня мой Сема вышел на первый план, отодвигнув на второй план некоторых других героев, которым я не дал такого простора для проявления своих человеческих качеств в поступках, в решениях, в действиях. Может быть, у более опытных и талантливых писателей такой неожиданный эффект не бывает? Не знаю. Да и не это в данном случае важно.

В поряке самокритики могу сказать, что именно отсутствие достаточного простора для проявления сузило воздействие на читателей другого моего героя, очень мною любимого, — Алексея Полозова («Дни нашей жизни»). В будничных условиях заводского труда найти яркие, для всех читателей одинаково понятные конфликты, конечно, гораздо труднее, чем, скажем, в романтических условиях молодежного строительства в тайге, но сама жизнь показала мне ряд ситуаций, иногда очень острых, где Полозов проявлялся, — от выступления с критикой рутинеров (а мы знаем, что выступить с острой критикой или раз трунее, чем совершить подвиг в минуту общего подъема), вплоть до прямого вмешательства при попытке Гаршина и Любимова совершить подлог. Однако мне сейчас ясно, что я не вполне справился с трудностями композиции многопланового романа и не использовала все возможности проявления характера и внутреннего содержания Полозова, в частности, не дала ему в прямом споре столкнуться с Гаршиным.

В плане обсуждения вопросов о положительном герое и о жизненных конфликтах два новых произведения, опубликованных в последнее время, кажутся мне очень интересными.

В центре романа Д. Гранина «Некатыль» («Звезда», №№ 7, 8) стоит Андрей Лобанов, молодой ученый, человек бесогонной творческой души и целеустремленного характера. Это не бесцельный идеал, а очень жизненный и по-настоящему хороший человек и коммунист. На протяжении романа Андрей много поддается, от многих крайностей освобождается, люди раскрываются ему с неожиданной стороны, сама его работа становится иной — делом всего коллектива лаборатории. В душевном развитии героя, естественно происходящем через ряд испытаний и конфлик-

тов, всякий раз по-новому предомыляется органически близкий ему, единственно приемлемый для него кодекс чести коммуниста.

Принципиально важным в романе «Некатыль» мне кажется то, что хотя в нем есть один основной герой, причем герой положительный и выходящий победителем, — герой этот не стоит над всеми другими, как некий эталон. Все время ощущаешь прочие взаимосвязи, влияния, воззвствия, делающие героя неотрывной частью коллектива, человека своей среды и своего времени.

Совершенно по-иному и тоже, по-моему, принципиально интересна первая повесть молодого писателя Игоря Косекаковского «Юбилей капитана Сурыгина» (журнал «На рубеже», № 5).

Разрушая о конфликтах, у нас нередко сводят все к борьбе между прямыми носителями нового и старого, то есть между безусловно положительными и безусловно отрицательными героями. Как обещалась борьба с пережитками прошлого, если бы люди в нашем обществе четко делились на «хороших» и «плохих»? Сглаживание конфликтов проявляется, между прочим, и в том, что во многих пьесах и романах люди, совершающие плохие поступки, настолько уж плохи, что сразу даются, как их терять окружающие, а хорошие остаются хороши, что расти и совершенствоваться им уже, как говорится, «некуда». В жизни же все неизмеримо сложнее! Кроме прохвостов и врагов, существует немало и общему хороших советских людей, так или иначе неплатящих нот власти дурных чувств и побуждений и совершающих порой весьма серьезные проступки. Нашей партии не пришлось бы так упорно добиваться развития критики и самокритики, если бы проступки совершали только отъявленные подлецы, подлежащие вниманию органов юстиции. Да кто из нас не знает, куда иногда заводит непохожего человека честолюбие, или ревность, или корысть, или самолюбительность и зависть!

В маленькой повести (в ней всего 38 страниц) И. Косекаковский раскрывает одну из тех жизненных историй, каких немало, и раскрывает ее в драматическом напряженном конфликте, затрагивающем трагически для главного героя. Он очень притягателен, этот герой, — старый заслуженный капитан, двадцать два года

державший первенство в пароходстве, суровый, властный «дедушка», умеющий и «в бараний рог свернуть» человека, и провести теплотход «по памяти» сквозь любой туман, и сыграть Горюничного на вечернее самодеятельности. Читатель сразу проникается к нему любовью... а затем все больше и больше тревожится за него. Повесть показывает, как рождается дурной поступок, как постепенно складывалось то ощущение бесконтрольности и превосходства над всеми, в результате которого хороший, опытный капитан начал подавлять познанных, тормозить рост молодежи, пренебрегать интересами пассажиров и ради личного успеха, в ущерб делу, гоняться за выгодными грузами, отказываясь от невыгодных. Живыми и яркими штрихами автор велел нас к пониманию ошибок Сурыгина, углубляющейся оттого, что старик упрям и крут, а маленькая парторганизация теплотхода не в состоянии переломить его упрямство. Вместо того, чтобы прислушаться к предупреждениям и критике, Сурыгин все надежды возлагает на то, что опытный капитан план навигации черным и тем самым «защитит рот» всем своим «недурным». Не последний ребе неудачен, бывший ученик, а теперь соперник Сурыгина — Латышев вот-вот обгонит его... И тут, в азарте гнева, Сурыгин совершает прыжок — паритует о выполнении плана до того, как на самом деле выполнил его. «Юбилей» заповедна, первенство и новые походы на предстоящем юбилее обещаны... Но Сурыгин сам не может перенести свой первый в жизни нечестный поступок. П еще до того, как он понял, что люди на корабле знают о прыжке, во время болезни и тяжелых ночных раздумий Сурыгин без конца ворочит в памяти те ошибки, что привели его к позорному, ему мерещится остро отточенный карандаш, которым он «справил» цифру в сводке... И Сурыгин сам осуждает себя, и этот суд — более суровый, чем тот, который мог ожидать его за эти приписанные к 99,03 проц. выполненного плана 0,7 проц...

Достоинство повести в том, что смятая читателя к Сурыгину не исчезает, хотя поступок его вызывает острый стыд и безусловное осуждение. Читатель переживает вместе с Сурыгиным его тяжелое раскаяние, его позор, его надежду на то, что после трудного, но морально необходимого признания Сурыгин будет еще капитаном на Большой Волге и, конечно, иначе будет работать и иначе относиться к людям... Достоинство повести в том, что автор ловел дурные тенденции и ошибки своего героя до их логического завершения — до дурного поступка, показав, что может случиться с каждым человеком в обстановке бесконтрольности и захлывания, если личные интересы возмрут верх над интересами общественными, государственными, если хороший человек, боясь утратить завоеванную славу, начнет утверждать ее всеми правдами и неправдами.

Хочется поставить в особую заслугу начинающему писателю то, что он смело развел конфликт и не побоялся обострить его до трагического, — благодаря этому повесть приобрела большое общественное звучание. сила ее воздействия намного усиливается.

Как видно, пути активного вторжения литературы в жизнь многообразны, чем это представляют себе иные критики. Многообразнее методы воздействия на умы и сердца читателей многообразнее темы, способы их воплощения, жанры, стилистические особенности... П очень хочется, чтобы это живое многообразие искусства, в конечном счете отражающее неповторимую сложность самой жизни, не подгонялось под шаблоны выдуманных схем, а оценивалось глубоко и вдумчиво, в сопоставлении с явлениями жизни. Хочется, чтобы, вместо навязывания писателям «идеальных» канонов, критики анализировали те положительные идеалы, которые одухотворяют труд писателя и выступают, как естественный вывод, из всей художественной ткани произведений, и да саму художественную ткань этих произведений — соответствует ли ее образная сила силе породивших ее идей.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.